

ЛЕГИОНЕР ИЗ БУДУЩЕГО

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

ВИКТОР ПОРОТНИКОВ

ПЕРЕЙТИ РУБИКОН!

Легионер из будущего

Виктор Поротников

**Легионер из будущего.
Перейти Рубикон!**

«Яуза»

2012

Поротников В. П.

Легионер из будущего. Перейти Рубикон! / В. П. Поротников — «Яуза», 2012 — (Легионер из будущего)

Новый фантастический боевик от автора трилогии о Гладиаторе из будущего! Новое задание «попаданца», заброшенного из нашего времени в Древний Рим, чтобы помочь легендарному Спартаку одержать победу. Однако эта миссия не увенчалась успехом – слишком могущественные силы охраняют устои Вечности, пресекая любые попытки изменить историю, да и сам «попаданец» зарекся ломать прошлое, умывшись кровью и на собственном горьком опыте убедившись, что былое не изменить к лучшему. Теперь он – хранитель Вечности, призванный защищать ее от тех, кто рвется переписывать историю огнем и мечом. Отныне он – не гладиатор, а легионер Рима, винтик совершенного боевого механизма, действующего по завету Цезаря: «Veni, vidi, vici» («Пришел, увидел, победил»). Под золотым орлом прославленного 10-го легиона ему предстоит завоевать полмира, участвовать в беспощадной гражданской войне и ПЕРЕЙТИ РУБИКОН!

© Поротников В. П., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Глава пятая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виктор Поротников

Легионер из будущего. Перейти Рубикон!

Часть первая

Пролог

На опушке бора среди медноствольных сосен замелькали овальные щиты и металлические шлемы галлов; громкие крики и завывания варваров нарушили глубокую тишину густого девственного леса.

На головную когарту римлян железным дождем посыпались вражеские стрелы.

Трубач по команде центуриона-примипила дал сигнал легионерам к перестроению на ходу. Выдвигаясь из тенистой просеки на озаренную солнцем широкую поляну, римляне перестроились из походной колонны в четыре боевые шеренги. Я оказался в центре боевого строя во второй шеренге. Заученным движением я взял дротик на изготовку и прикрылся щитом так, чтобы верхний его край оказался на уровне моего носа.

Между тем галлы стремительно надвигались. Длинноволосые, бородатые люди в кольчугах и кожаных панцирях, с лицами, устрашающе размалеванными синей и красной краской, валом валили из леса на поляну, перепрыгивая через коряги и поваленные ветром деревья. Галлов было очень много, от их грозного воя кровь стыла в жилах. Галльские стрелы продолжали с частым дробным звуком вонзаться в красные прямоугольные римские щиты.

По команде оптиона передняя шеренга легионеров дружно запустила дротики в скопище врагов, высыпавших из чащи на луг и сразу перешедших на бег. Вытянув шею, я старался определить, много ли галлов упало наземь после того, как на них обрушилась добрая сотня римских дротиков. Среди варваров, надвигавшихся в передних рядах, на землю свалились десятка два, не больше. Много ли врагов пало в задних рядах, было совершенно не разобрать.

Вражеская лавина – тысячи и тысячи воинов! – катилась на римлян, сминая кусты и с треском топчя сухие опавшие ветки. Над рогатыми и островерхими шлемами галлов вздымались копья, узкие обоюдоострые мечи и боевые топоры на длинных рукоятках. Среди копий и шлемов покачивались галльские стяги в виде медных и серебряных драконьих голов с хищно разинутыми пастьями.

«Чтобы остановить эти галльские полчища, нужны не дротики, а десантный пулемет «печенег»! – мелькнуло у меня в голове. – Не помешала бы нашей когарте и парочка гранатометов!»

Когда до врагов оставалось не более полусотни шагов, прозвучала команда оптиона во второй шеренге: «Пилумы к бою. Залп!»

Отклонившись немного назад, я метнул свой дротик, а затем проследил взглядом, как мое копьё, прочертив в воздухе дугу, упало в гущу врагов вместе с пилумами моих соратников. И опять галлов упало совсем немного, к моей внутренней досаде. Их дико орущие полчища ни на миг не замедлили свой атакующий бег.

И только дротики, вылетевшие из третьей и четвертой римских шеренг, заметно выкосили атакующие отряды косматых галлов, которые вдруг смешались, перейдя с бега на шаг. Варвары спотыкались о своих убитых и раненых, свалившихся в траву совсем близко от римского боевого строя. Однако эта заминка в атаке галлов была недолгой. Почти заглухший боевой клич бородатых воинов снова огласил воздух, это напавшие сзади варвары, нахлынув подобно приливной волне, опять придали ускорение толпам размалеванных бесстрашных

гигантов. Чтобы казаться выше ростом, и без того рослые галлы надевали на голову шлемы с удлиненным, чуть загнутым вперед верхом, с рогами или с перьями, вставленными в металлические держатели в виде трезубцев. Галлы, не имевшие шлемов, смазывали свои длинные волосы известью, зачесывая их ото лба назад, чтобы они стояли торчком, напоминая взлохмаченную ветром лошадиную гриву.

Глава первая «Веселенькое дело, черт возьми!»

Этот знатный римлянин представился мне Гаем Меммием. Судя по его уверенному, надменному взгляду, по тому, как он держится со мной, было ясно, что это птица высокого полета.

– А ты ловкий малый, приятель! – с одобрительной усмешкой произнес Гай Меммий. – Сцепился с тремя гладиаторами и мастерски уложил всех троих! Как тебя зовут, удалец?

– Авл Валент, – ответил я, тяжело переводя дыхание после яростной потасовки, случившейся двумя минутами ранее на многолюдной улице Рима.

– Ты покалечил телохранителей сенатора Цезения Пета и порвал тогу на нем самом. – Гай Меммий осуждающе покачал головой. – Не подоспей я вовремя, приятель, ты, пожалуй, прикончил бы и самого сенатора. По римским законам за это полагается смерть или вечное изгнание из отечества. Теперь ты сознаешь, от какой беды я тебя избавил, удержав твою руку, вооруженную кинжалом.

Я молча покивал головой, стараясь показать всем своим видом, что полон глубочайшей признательности этому патрицию, оказавшемуся подле меня в тот момент, когда я уже замахнулся кинжалом на сенатора Пета. Все случилось неожиданно и быстро. Я загляделся на красивую матрону, стоявшую возле лавки с благовониями. В этот миг меня грубо отшвырнули к каменной стене дома мускулистые слуги сенатора Пета, расчищавшие в толпе дорогу для своего господина. Не помня себя от бешенства, я выхватил из-под плаща кинжал и учинил кровавую бойню прямо посреди улицы. Моих навыков по владению холодным оружием и приемами рукопашного боя было вполне достаточно, чтобы за какие-то полминуты свалить на каменную мостовую троих наглых верзил, а их господина заставить побледнеть от страха, направив ему в лицо острие окровавленного кинжала.

Вокруг поднялось смятение, раздались крики женщин. Толпа из прохожих отхлынула в разные стороны от того места, где корчились, истекая кровью, слуги сенатора Пета, а он сам с ужасом на лице рвался из моих рук. Два человека, выскочившие словно из-под земли, подхватили меня под руки и утащили в ближайший боковой переулок. Лишь в харчевне, куда эти двое меня затащили, я сумел толком их разглядеть. Это были патриций Гай Меммий и его сын Публий.

Гаю Меммию на вид было около пятидесяти лет, а его стройный кудрявый сын выглядел лет на двадцать. Покуда мы с Гаем Меммием вели беседу, сидя за столом в довольно просторном помещении, Публий стоял возле окна, выходившего на узкую улицу. Он наблюдал за сну-ющими туда-сюда прохожими, следя, нет ли за нами погони.

– В скверную историю ты вляпался, дружок! – молвил Гай Меммий, поправляя тогу на своем плече. – Цезений Пет очень мстительный человек. Можешь мне поверить, он постарается разыскать тебя, чтобы жестоко наказать. – Мой собеседник помолчал, потом спросил, глядя мне в глаза: – Ты живешь в Риме или откуда-то прибыл сюда?

– Родом я из Бовиана, но последние несколько лет проживал во Фрегеллах, – ответил я, не пряча глаз. – В Рим я приехал сегодня утром в надежде найти здесь работу и надежного покровителя.

– Так ты самнит? – усмехнулся Гай Меммий.

Я молча кивнул.

– Ну, тогда это все объясняет! – Гай Меммий привстал за столом и похлопал меня по плечу. – Только гордые самниты способны на такую безрассудную храбрость! Ты мне по душе, дружище Авл. Я готов стать твоим патроном, если ты не против, конечно. Мой род один из древнейших в Риме. – В голосе Гаю Меммия прозвучали горделивые нотки. – Мой дед был консулом, а отец – цензором. Я сам сенатор и бывший претор. Моя жена доводится родной

сестрой самому Помпею Великому! – При последних словах Гай Меммий многозначительно поднял кверху указательный палец.

Что ж, о таком патроне можно только мечтать, промелькнуло у меня в голове. Я без малейших колебаний изъявил готовность стать клиентом семьи Гая Меммия.

Задав мне еще несколько вопросов относительно моих родителей, братьев и сестер, Гай Меммий поднялся из-за стола. Повинуясь его жесту, я тоже встал и последовал за ним к выходу из харчевни.

– Поживешь первое время в моем доме, дружище Авл, – обронил на ходу Гай Меммий, – а я между тем постараюсь договориться с Цезением Петом, чтобы он оставил тебя в покое.

Выйдя из харчевни на кривую, затененную высокими каменными домами улочку, я вновь принялся благодарить Гая Меммия за его доброе участие по отношению ко мне, бедному провинциалу.

– Не думай, приятель, что моя помощь тебе совершенно бескорыстна, – промолвил Гай Меммий с хитрой улыбкой на устах. – За мою услугу я хочу попросить тебя обучить моего сына Публия владению оружием. Публий собирается вступить в войско на должность младшего военачальника, поэтому урокам философии и риторики он предпочитает уроки фехтования. Как я имел возможность убедиться, дружище Авл, ты – отличный рубака! К тому же ты молод и, значит, станешь обучать Публия фехтованию по-приятельски, без угнетающей самонадеянности, склонность к которой имеют опытные ветераны и старики гладиаторы. То, что ты незнатен, – не беда. Думаю, вы с Публием быстро подружитесь!

Дом сенатора Гая Меммия находился в той части Рима, которая называется Велабром. Дом стоял на Сабинской улице, идущей параллельно Священной улице. Обе эти улицы тянулись от Палатинского холма и спускались к восточной стороне форума, где стояли здания городских магистратур и изо дня в день кипели политические страсти.

Придя домой, Гай Меммий первым делом представил меня своим домашним слугам, объявив им, что я буду жить здесь на правах телохранителя его старшего сына. Потом Гай Меммий привел меня на женскую половину дома и познакомил со своей супругой. По тому, с какой нежностью Гай Меммий поцеловал свою жену, войдя в ее покои, было понятно, что его любовь к этой женщине не пустой звук.

Супругу Гая Меммия звали Альбия. Это была довольно высокая, красивая, прекрасно сложенная женщина, с длинными и густыми волосами цвета потемневшей меди. В момент моего знакомства с Альбией на ней была длинная полупрозрачная туника, наброшенная прямо на голое тело, а ее роскошные волосы были распущены по плечам, ниспадая до самой талии. Обмениваясь поцелуем с мужем, Альбия поднялась со стула, прервав свое занятие. Молодая рабыня подстригала ей ногти на руках и ногах.

Меня охватило смущение при взгляде на Альбию, поскольку сквозь тонкий виссон хорошо просматривались все ее женские прелести.

Конклав был наполнен потоками солнечного света, льющегося из узких окон под самым потолком. Я скромно опустил глаза и низко поклонился знатной матроне, когда Гай Меммий заговорил обо мне, рассказывая жене об уличной потасовке с моим участием.

– Я давно подыскиваю для Публия телохранителя и одновременно мастера по фехтованию, – молвил супруге Гай Меммий. – Полагаю, сама судьба послала мне Авла Валента.

– Я не против, дорогой, – негромким бархатным голосом проговорила Альбия, разглядывая меня с ног до головы. – Пусть Авл Валент поживет у нас какое-то время. Мы присмотримся к нему, узнаем, что он за человек. Судя по его внешнему виду, он не очень-то похож на провинциала. Так ты говоришь, милый, что Авл Валент родом из Бовиана?

«Знали бы вы, откуда я на самом деле! – усмехнулся я про себя. – И вовсе я не из Бовиана, а из Москвы. Из далекого-далекого будущего!»

Разглядывая мозаичный пол у себя под ногами, я рассеянно внимал тому, о чем говорили между собой Гай Меммий и его красивая супруга. Беседуя, они отошли в сторонку и уселись на длинную скамью со спинкой, обтянутой пятнистой леопардовой шкурой. Мои познания в латинской речи, подкрепленные разговорной практикой в пору моей первой заброски в древний Рим, пробуждались в моем сознании с поразительной быстротой. Одновременно во мне росла уверенность, что я не покажусь Гаю Меммию и его домашним неким косноязычным мужланом.

Ощувив на себе чей-то пристальный взгляд, я поднял голову и сразу же встретился глазами с юной служанкой, которая стояла в нескольких шагах от меня с ножницами в руках. На вид служанке было лет шестнадцать. На ней был длинный светло-зеленый химатион, закрепленный застежками на плечах. Под длинными складками химатиона угадывались соблазнительные очертания уже вполне сформировавшейся девичьей фигуры. По тому, с какой небрежностью юная служанка поигрывала ножницами, а также по ногтям у нее на руках, окрашенным в розовый цвет, можно было догадаться, что она пользуется большой благосклонностью своей госпожи.

У этой юной особы были огромные глаза, темно-зеленые и озорные, осененные густыми изогнутыми ресницами. Служанка взирала на меня с откровенным любопытством, чуть склонив голову в ореоле светлых, вьющихся, небрежно прибранных волос. Она глядела мне прямо в глаза, улыбаясь пухлыми, красиво очерченными губами, отчего на ее румяных щеках чуть повыше уголков губ появились две ямочки. В этом юном девичьем лице, имевшем форму совершенного овала, было столько прелести и обаяния, что я невольно задержал свой взгляд на служанке, одарив ее своей приветливой улыбкой.

Любуясь служанкой, я не сразу расслышал голос Гая Меммия, который обратился ко мне, интересуясь моими денежными средствами.

– У меня с собой тысяча сестерциев, – ответил я, – и еще две тысячи оставлены под проценты у одного знакомого ростовщика во Фрегеллах.

– Ого! – улыбнулся Гай Меммий, подходя ко мне. – Да ты человек со средствами, дружище Авл. Идем, я покажу тебе комнату, где ты будешь жить.

Просторный дом Гая Меммия был выстроен в типично римском стиле, но с учетом той архитектурной моды, которая была широко распространена в Греции и на эллинистическом Востоке. В центре дома находился прямоугольный внутренний дворик-перистиль, окруженный по периметру крытой колоннадой. Перед входом во дворик со стороны улицы был расположен атриум, что-то вроде гостиной, с неглубоким бассейном-имплювием, куда стекала дождевая вода через квадратное отверстие в крыше. Вокруг атриума располагались помещения хозяина дома: его кабинет, трапезная, спальня, купальня, гостевые комнаты...

Поварня, кладовые, покои супруги хозяина дома, комнаты для детей были расположены вокруг перистилия. Когда-то в этой же части дома отводились помещения и для слуг, но ныне римская знать строила свои особняки с восточным размахом, непременно надстраивая второй этаж. Там-то, на втором ярусе, и устраивались тесные каморки для рабов и рабынь.

Комната, куда меня привел Гай Меммий, находилась на втором этаже, окнами выходя на узкий переулок, засаженный стройными высокими кипарисами. Подняться сюда можно было по деревянной лестнице со стороны внутреннего дворика. Собственно, этих лестниц было две, одна вела в комнаты для слуг-мужчин, другая – в комнаты служанок. Поднявшись по лестнице на второй ярус, сразу оказываешься на крытой террасе с высокими перилами, огибавшей перистиль с трех сторон. Двери из комнат домашней прислуги выходили на эту террасу.

В комнате из мебели имелись кровать, стол, два стула, вешалка и сундук для хранения одежды. Деревянный пол был застелен плотным выцветшим ковром, на двух небольших квадратных окнах имелись занавески изнутри, а снаружи имелись дощатые ставни, которыми окна закрывались на ночь и днем в сильную непогоду.

Коротко ознакомив меня с внутренним распорядком своего дома и обозначив круг моих обязанностей, Гай Меммий удалился, перед этим посоветовав мне прилечь отдохнуть после долгого пути.

Едва за Гаем Меммием закрылась дверь, я скинул с ног сандалии, снял с себя плащ и пояс с пристегнутыми к нему кинжалом и денежным кошельком и с удовольствием повалился на мягкую постель.

«Итак, Андрей, опять судьба забросила тебя в древний Рим! – мысленно обратился я к самому себе. – Опять тебе поручено труднейшее задание: сначала убить Октавиана, а потом ни много ни мало добраться до самого Гая Юлия Цезаря! Если мальчишка Октавиан пребывает где-то здесь, в Риме, то чтобы прикончить Цезаря, тебе, приятель, придется ехать в Заальпийскую Галлию. Ведь Цезарь ныне воюет там с косматыми галлами. Итак, мне вновь нужно попытаться изменить ход древней истории самым радикальным способом и при этом уцелеть самому. Веселенькое дело, черт возьми!»

Глава вторая

Былое и думы

Трудно передать, что я почувствовал, когда профессор Пазетти лично вручил мне две пачки банкнот, по сто тысяч евро в каждой. Сначала профессор Пазетти пожал мне руку, произнес слова благодарности за мое мужество и находчивость, за мои «умелые действия в сложнейших ситуациях, за спасение друга, попавшего в беду». Затем в моей ладони оказались две тугие денежные пачки, обтянутые крест-накрест белыми полосками из плотной бумаги. На одной из пачек я увидел надпись, сделанную по-русски авторучкой: «Агенту Янусу». «Так вот какой у меня оперативный псевдоним!» – промелькнуло тогда в моей голове.

Вручение денежного вознаграждения происходило в присутствии Мелинды, которая тоже с искренней улыбкой на лице пожалла мне руку и еще раз поздравила меня с благополучным возвращением из позднеереспубликанского Рима в 2011 год. Уж Мелинде-то было известно, каких трудов и опасностей я хлебнул, сражаясь с римлянами на стороне Спартака, ведь через нее осуществлялась моя связь с профессором Пазетти. Втроем мы выпили по сто грамм коньяку за мое здоровье и наше общее дело, после чего мы с Мелиндой поехали в Москву на хорошо знакомой мне черной «Ауди». Мы ехали из Люблино по Люблинскому шоссе в сторону Волгоградского проспекта.

Пейзажи, мелькавшие за стеклами летящей в потоке машин «Ауди», разговор с профессором Пазетти, осмотр у врача, деньги, которые я по-прежнему держал в руках, межвременная капсула, из которой я выбрался, как птенец из яйца, переместившись из древней Италии в двадцать первый век, – все это воспринималось мною с трудом после вполне реального античного быта, в котором я просуществовал целых полтора года по меркам древних римлян. Здесь, в эпохе Интернета и электричества, как выяснилось, я отсутствовал всего-то двадцать семь дней. Такой эффект объясняется тем, что машина времени движется не по спирали, в которую спрессованы все давно минувшие века, а как бы пронзая эту временную спираль под прямым углом. Такое разъяснение дал мне профессор Пазетти.

Мелинда пыталась меня разговорить, куда мы ехали до станции метро «Таганская», но ей так и не удалось вывести меня из замкнутого состояния. Перед тем как высадить меня из авто, Мелинда протянула мне борсетку, которую я чуть не забыл. При этом она посоветовала мне спрятать деньги в борсетку, а не держать их в руках. «В метро полно народу, в том числе всякого жулья, – сказала Мелинда. – Оглянуться не успеешь, как останешься без денег! Андрей, советую тебе положить эти деньги в банк. Этот гонорар ты заработал потом и кровью, будет обидно просто потерять его в толпе».

Добираясь до своей съемной квартиры сначала на метро, затем на маршрутном такси, я все время прижимал к груди борсетку с деньгами, глядя на окружающих меня людей, говорящих по-русски, таких не похожих на гладиаторов и древних римлян, чувствуя себя не в своей тарелке. Если меня вдруг о чем-то спрашивали, я отвечал невпопад. Я теперь отлично знал расположение улиц и площадей древнего Рима, но почему-то изрядно подзабыл карту современной Москвы и маршруты городского транспорта.

На съемной квартире я увидел распахнутые дверцы платяного шкафа с пустыми плечиками, сиротливо висящими в ряд на круглой деревянной планке. На полках шкафа и в тумбочке тоже было пусто – все вещи Регины исчезли вместе с ее обувью и двумя чемоданами. В спальне с кровати было снято покрывало, а с подушек и одеяла исчезли красивые батистовые наволочки и пододеяльник. На кухонном столе под фарфоровой солонкой мною был обнаружен небольшой листок, вырванный из блокнота. На нем уверенным почерком Регины было написано синей авторучкой: «Андрей, ты исчез без всяких объяснений. Настоящие мужчины так не поступают! Я ухожу. Будь счастлив! Прощай!»

Я ходил по пустой квартире, держа в руках короткое прощальное послание Регины, вновь и вновь перечитывая его. Я сознавал, что после своих мытарств в далеком прошлом, по сути дела, оказался у разбитого корыта. Мириться с этим мне совершенно не хотелось. Я решил разыскать Регину и попытаться все ей объяснить. Я хотел вернуть Регину любой ценой!

Вскоре выяснилось, что Регина поменяла сим-карту в своем мобильнике, поэтому дозвониться до нее было невозможно. Я принялся названивать Майе Реймер, самой близкой из подруг Регины. Майя пообещала мне устроить встречу с Региной, но дать мне новый номер ее мобильного она отказалась. В телефонной беседе со мной Майя попыталась выяснить, что побудило меня исчезнуть столь внезапно и не давать о себе знать почти месяц. Я был совершенно не готов отвечать правдиво на такие вопросы, поскольку правда в данном случае могла сойти за сумасшествие. Выслушав мои туманные ответы, Майя сделала вывод, что я многого недоговариваю и, по всей видимости, имею любовную интрижку на стороне. Я заявил Майе, что всю правду поведаю только Регине. «Захочет ли Регина узнать от тебя эту правду, ведь у нее недавно появился новый друг, – уколола меня Майя. – Весьма успешный молодой человек!»

Дабы заинтриговать Майю, я горделиво сообщил ей, что и у меня теперь с финансами все в порядке. Мол, сегодня открываю счет в банке на двести тысяч евро.

Спустя три дня Регина позвонила мне сама с мобильного Майи. Мы поговорили всего минуты три, она куда-то спешила. Ничего толком ей объяснить я не успел, лишь наплел про археологические раскопки в Италии, где я якобы и пропадал все это время. Регина спросила, откуда у меня такие большие деньги и не связался ли я с бандитами. Я сказал ей, что эти деньги мне выплатили итальянцы, которые не только отстегнули мне за труд на раскопе, но и опубликовали все мои научные статьи в своих археологических альманахах. Ложь была, конечно, неуклюжая, но иных вариантов у меня не было. В конце концов, месяц тому назад я действительно поехал на встречу с итальянскими археологами, чтобы заключить с ними контракт, по условиям которого мне предстояло поехать в Италию для участия в раскопках древнего города Стабии. Я и не предполагал, что эта встреча обернется для меня путешествием во времени, что я окажусь в первом веке до нашей эры да еще в окружении Спартака, поднявшего на восстание десятки тысяч рабов.

Регина согласилась встретиться со мной, но не раньше чем через неделю, и не для возобновления наших прерванных отношений, а чтобы просто побеседовать. Регина хотела, чтобы я поделился с ней своими впечатлениями от поездки в Италию.

А еще через четыре дня мне позвонила Мелинда, сообщившая, что со мной желает встретиться профессор Пазетти. Я не стал отказываться от этой встречи, хотя догадывался, для какой цели я опять понадобился профессору Пазетти. На этот раз профессор Пазетти и его единомышленники перебрались со всем своим хозяйством в Северное Чертаново, арендовав двухэтажный каменный особняк в Сумском переулке.

Если в первом случае помощники профессора Пазетти забросили меня в глубокую римскую древность, ничего толком не объяснив по воле сложившихся обстоятельств, то теперь меня обстоятельно ввели в курс дела, собираясь снова отправить с помощью машины времени в древний Рим.

Профессор Пазетти настоятельно рекомендовал мне проштудировать труды Плутарха, Аппиана, Непота, Тита Ливия и других древнеримских историков, чтобы знать все политические события, предшествующие возвышению Цезаря и его войне с Помпеем. По замыслу профессора Пазетти, мне предстояло проникнуть в ближайшее окружение Помпея, дабы, выступив на его стороне, обеспечить победу помпеянкам еще до битвы при Фарсале. Иными словами, мне следовало убрать Цезаря и Октавиана, а по возможности и Марка Антония. Это избавит Рим от кровопролитной гражданской войны, укрепит позиции сенатской аристократии и неизбежно продлит существование Римской республики еще как минимум на полвека.

Преждевременная гибель Цезаря и Октавиана, по замыслу профессора Пазетти, коренным образом изменит ход древнеримской истории, а вместе с ней непременно изменится и ход событий мировой истории.

«Ты смог многое сделать, Андрей, воюя с римлянами на стороне Спартака, – сказал мне профессор Пазетти. – Не твоя вина, что восстание рабов все же было подавлено римлянами. Ты был очень близок к успеху. Не зря американские агенты так рьяно охотились за тобой в древнем Риме. Ты знаешь, что брошено на весы в этой борьбе, которую мы ведем с американскими спецслужбами во времени настоящем и в глубинах прошлого. Поучаствовав в восстании Спартака, ты обрел закалку и опыт. Поэтому, Андрей, именно на тебя мы возлагаем все свои надежды! Покуда американцы не уничтожили нашу машину времени, тебе нужно вновь переместиться в древний Рим. На подготовку у тебя остается не более десяти дней!»

Вторично позвонив мне с мобильного Майи, Регина сообщила, что готова встретиться со мной в кафе, куда мы с ней любили наведываться в пору наших первых романтических встреч. При этом Регина добавила, что она будет свободна в субботу во второй половине дня. На это я хмуро заявил, что на походы в кафе у меня совершенно нет времени, поскольку в ближайшие дни мне предстоит снова отправиться в Италию. Перед этой поездкой мне нужно перечитать все античные источники по эпохе поздней Римской республики, поэтому я занят буквально от зари до темна. Если у Регины есть желание повидаться со мной, пусть она приходит ко мне домой в любое удобное для нее время. Мой неприветливый тон немного озадачил Регину и заставил ее холодно оборвать этот телефонный разговор. Однако любопытство взяло в Регине верх. В воскресенье она пожаловала ко мне в гости, предварительно предупредив меня телефонным звонком. Я сразу сказал Регине, чтобы она не вздумала взять с собой Майю.

Регина пришла одна. На ней были голубые джинсы с блестками, сиреневая блузка с длинными рукавами и легкие красные туфли на высоком каблуке. Свои густые темные волосы Регина стянула на затылке в виде пышного хвоста, оставив на висках два выющихся локона. На плече у нее висела изящная красная сумка из блестящего кожзаменителя, закрывающаяся на молнию. Облегающие джинсы подчеркивали стройность длинных ног Регины и округлость ее бедер. Короткая блузка не могла скрыть от нескромных мужских взглядов осиную талию Регины, а ее роскошная упругая грудь так и выпирала из довольно широкого декольте. Регина знала, что она красива и сексуальна, поэтому всегда подчеркивала это своим одеянием и прическами.

Мы обменялись приветствиями, едва Регина переступила порог. Затем я потянулся к Регине, чтобы поцеловать ее в губы, но она мягко уклонилась, подставив мне для поцелуя щеку.

Пройдя из коридора в комнату, Регина изумленно огляделась. На диване, на журнальном столике, на подоконнике – всюду лежали раскрытые книги. У меня в руках тоже была книга – сочинения Саллюстия Криспа.

– Значит, ты не обманул меня. – Регина с улыбкой взглянула на меня. – Ты и впрямь готовишься к поездке в Италию. Опять на раскопки? Или будешь выступать с лекциями?

– Ни то и ни другое, – ответил я, закрыв книгу и небрежно бросив ее на диван. – Мне предстоит лишить жизни двух человек, а именно Октавиана и Юлия Цезаря.

– Шутишь? – Улыбка исчезла с красивых алых губ Регины.

– Нисколько. – Я был серьезен и не прятал глаз. – За эту работу мне обещают отвалить триста тысяч евро. А вот мой счет в банке, который я обещал тебе показать. – Вынув из нагрудного кармана рубашки сберкнижку, я протянул ее Регине.

Регина раскрыла сберкнижку и, удостоверившись, что на моем счету действительно лежат двести тысяч евро, вернула мне книжку, не скрывая изумления на своем лице.

– Неужели в Италии платят такие огромные гонорары за научные статьи? – пробормотала Регина, глядя мне в глаза. – Этого не может быть! Андрей, по-моему, ты чего-то недоговариваешь.

– Регина, ты совершенно права, эти деньги получены мною вовсе не за научные статьи, – промолвил я. – Сейчас я постараюсь тебе все объяснить. Присядь и послушай меня.

Заинтригованная моим тоном и выражением моего лица, Регина медленно опустилась в кресло, не сводя с меня глаз.

Я сел на стул возле журнального столика и, собравшись с мыслями, стал излагать по порядку всю цепочку событий от момента моего знакомства с Мелиндой на университетской кафедре до встречи с профессором Пазетти в Орехово-Борисово на другой день. Регина слушала меня, не перебивая, до тех пор пока я не заговорил про машину времени, которая забросила меня во времена Спартака.

– Не держи меня за дуру, Андрей! – с кривой усмешкой воскликнула Регина, прервав мой рассказ. – Машины времени нет и быть не может! Все это бредни Герберта Уэллса и ему подобных писак!..

– Я сам был такого же мнения до недавнего времени, – глядя на Регину, серьезным голосом продолжил я. – Однако все пережитое мною в древнем Риме – это не сон и не бред. Взгляни! – Я задрал на себе рубашку, показав Регине шрамы на своем теле, оставленные мечами и копьями.

Регина приблизилась ко мне, пристально разглядывая и ощупывая затянувшиеся рубцы на месте недавних ран. Она много раз видела меня обнаженным до сего дня и знала, что на мне не было никаких шрамов. Теперь Регина пребывала в полном недоумении. Шрамы на моем теле были самые настоящие. Однако и тело мое обрело физическую крепость и густой загар, чего раньше не было. Накачать такие крутые мускулы всего за месяц было невозможно. Сознывая это, Регина как-то по-особенному стала приглядываться ко мне, словно не веря, что перед ней тот самый аспирант-античник, с которым она состояла в близких отношениях почти два года.

Терзаясь этими сомнениями, Регина потребовала у меня паспорт и университетский диплом.

Пока Регина разглядывала мои документы, я открыл ей главную тайну. Я сказал, что люди, обладающие машиной времени, никакие не итальянцы. Они россияне, переместившиеся в наше время из 2031 года. В этот роковой год Россия подвергнется ядерному удару со стороны США. Страна окажется на грани полного уничтожения, но, к счастью, к тому времени российские ученые постигнут технологию перемещения людей во времени. Посредством машины времени небольшая группа сотрудников ФСБ телепортировалась из 2031 года в 2011-й. Эти люди разработали грандиозный план по спасению России. Суть этого плана состоит в том, чтобы с помощью специально заброшенного агента изменить ход истории в древних веках, тогда случится сдвиг во всей временной спирали по принципу домино. Иными словами, кардинальные перемены в череде событий в истории позднеримской республики приведут к таким же переменам в двадцать первом веке. То есть ядерная атака США против России не состоится по ряду причин, не зависящих от руководства НАТО.

Меня как античника фээсбэшники из будущего использовали в своем замысле, выдавая себя за итальянских археологов. Моим первым заданием в глубокой древности было постараться довести восстание Спартака до полной победы над Римом. Мне это оказалось не по плечу, хотя благодаря моим стараниям восставшие рабы избежали некоторых досадных поражений и даже сумели на несколько дней ворваться в кварталы Вечного города.

И вот, учтя прежние просчеты и ошибки, фээсбэшники из будущего хотят опять забросить меня в древний Рим с той же целью изменить ход истории. Исходя из сложности нового задания повышается и размер моего гонорара, с двухсот тысяч евро до трехсот тысяч. Чтобы владеть ситуацией в древнем Риме и знать наперечет всех выдающихся римлян из окружения Цезаря и Помпея, мне велено проштудировать античные источники, в которых описываются события тех лет.

Выслушав меня до конца, Регина все же осталась при своем мнении: она не верила в то, что существует некая машина времени, которой распоряжаются какие-то фээсбэшники, проникшие в наше время из будущего. Регина ссылалась на моего приятеля Максима Белкина, который убеждал ее в том, что мое внезапное исчезновение связано с поездкой в Италию на археологические раскопки.

– Если хочешь знать, Макс тоже замешан в этом деле, – потеряв терпение, бросил я Регине. – Его тоже трижды забрасывали в древний Рим. Макс был моим связником и передавал мне различные инструкции, так как сотовой связи между Москвой и древним Римом не существует! В древнем Риме Макс попал в жуткую переделку, римляне распяли его на кресте. Мне кое-как удалось его спасти. При встрече посмотри на ладони Макса, на них остались следы от гвоздей, которыми он был прибит к перекладине. Регина, расспроси Макса, каково это – висеть на кресте? И ты увидишь, как весельчак Макс изменится в лице. – Я помолчал и добавил жестким голосом: – Когда я и мои люди снимали Макса с креста, от него несло сильной вонью, знаешь почему? Потому что Макс обмочился и обделался от ужаса, сутки провисев на распятии!

Регина ушла от меня растерянная и озадаченная. По ее глазам было видно, что она поражена той переменой, какая произошла со мной. Она и рада бы посчитать меня за сумасшедшего, если бы не признавала своим здравым умом, что это не так. Прощаясь со мной у двери, Регина вдруг приникла ко мне всем телом, подставив губы для поцелуя. Я сразу догадался, что это еще одна проверка со стороны Регины. По моему поведению Регина хотела определить, кто перед ней: аспирант Андрей Калугин или чужой человек, похожий на меня внешне.

Я поцеловал Регину, чуть прикусив зубами ее нижнюю губу, по своей привычке. Одновременно моя смелая рука жадно и сильно поласкала упругую широкую попку Регины. Такие ласки были в ходу у нас с Региной в пору наших безоблачных отношений.

– Я позвоню тебе, – шепнула мне Регина и выскользнула за дверь.

Однако этого звонка от Регины я так и не дождался, поскольку через два дня за мной приехала Мелинда, которая привезла меня в Северное Чертаново, в особняк профессора Пазетти. Там меня опять раздели донага, поместили в яйцеобразную телепортационную капсулу и отправили в очередное путешествие в далекое-далекое прошлое.

* * *

От воспоминаний меня отвлек стук в дверь: у древних римлян было в обычае стучаться, прежде чем войти в помещение.

Я встал с кровати и громким голосом позволил постучавшемуся ко мне войти. Дверь отворилась, и передо мной возник статный мускулистый мужчина лет тридцати пяти в серой тунике и военных сандалиях-калигах. Он представился Титом Децианом, а его должность при сенаторе Гае Меммии называлась старший сателлит. Иными словами, Тит Дециан был главой телохранителей сенатора Меммия.

По роду своей деятельности Тит Дециан был обязан провести со мной беседу и необходимый инструктаж, поскольку с сегодняшнего дня я поступал под его начало.

Усевшись на стул, Тит Дециан ознакомил меня с кругом моих обязанностей. Прежде всего, мне предстояло каждое утро провожать до школы, а после полудня вести из школы домой младшего сына сенатора Меммия. «Квинту тринадцать лет, – сказал Тит Дециан. – Он озорной мальчишка, за ним нужен глаз да глаз! Прежний раб-педагог по старости лет уже не мог с ним сладить».

Главной же моей обязанностью было обучение старшего сына сенатора Меммия обращению с оружием, также я должен был сопровождать Публия в его вечерних прогулках по городу. «Привыкай к тому, приятель, что на поясе у тебя всегда будет висеть меч или кинжал, – пре-

дупредил меня Тит Дециан. – Ты не воспитатель, а телохранитель. Как сателлит, ты обязан постоянно быть начеку и мгновенно пускать оружие в ход, если твоему хозяину или кому-то из его сыновей будет угрожать опасность. Скажу тебе по секрету, Авл, недругов у нашего хозяина хватает!»

Тит Дециан пожелал узнать, где я научился так мастерски драться и владеть кинжалом. Я не стал юлить и честно признался, что в прошлом был гладиатором. Это было чистой правдой, если взять во внимание мои боевые приключения, через которые я прошел в своей первой древнеримской эпопее. Титу Дециану я наплел, что завербовался в гладиаторы по своей воле, когда жил в Капуе. Честно отработав на арене отмеченные в контракте три года и выйдя живым из всех поединков, я получил свободу и денежное вознаграждение.

«Тебе крупно повезло, приятель, что в столь молодые годы ты прошел через такие серьезные испытания и остался жив», – с восхищением в голосе проговорил Тит Дециан.

О себе Тит Дециан поведал, что он почти пятнадцать лет прослужил в войске, дослужившись до центуриона. С сенатором Меммием его свела судьба, когда тот исполнял должность наместника Вифинии семь лет тому назад. По римским законам всякий курульный магистрат, то есть имеющий военную власть, после исполнения своей годичной должности в Риме обязательно отправлялся тоже на год наместником в одну из провинций. Гай Меммий выезжал в Вифинию по окончании своей службы городским претором. Всякий наместник едет в свою провинцию со свитой и небольшим войском, набором которого он обычно занимается сам. Тит Дециан оказался командиром одной из трех когорт, набранных Гаем Меммием. В Вифинии Тит Дециан показал себя умелым и отважным военачальником, поэтому сенатор Меммий уже по возвращении в Рим приблизил центуриона к себе, назначив его своим телохранителем.

Впрочем, Тит Дециан был не просто наемным сателлитом при сенаторе Меммии. Он был его клиентом, то есть поклялся в верности семье Меммия на алтаре фамильных ларов и пенатов. То же самое предстояло сделать и мне через какое-то время, если я намерен обрести надежного покровителя в Риме, где постоянно происходят кровавые склоки и раздоры между оптиматами и популярями.

Глава третья

Луций Сцевола

Летние каникулы у школьников в древнем Риме продолжались с июля по октябрь. В переводе на латынь каникулы называются вакациями. Школьные учреждения в Римском государстве подразделялись на начальные школы, средние, или грамматические, и высшие, или риторические. Все школы были частные, и обучение в них было платное.

В начальных школах мальчики и девочки обучались вместе. Учеников отправляли в школу с семилетнего возраста. Курс обучения в начальной школе был рассчитан на пять лет. Предметами начального обучения были: чтение, письмо и счет.

В грамматическую школу принимали только мальчиков, и обучение там продолжалось около трех лет. В программу средней школы входили: греческий язык, грамматика латинского языка, география, основы астрономии, греческая и латинская литература, мифология, история.

Большинство римских граждан довольствовались начальным и средним образованием. Однако в кругу высшей римской знати учение этим не ограничивалось. Юные римляне с пятнадцати до семнадцати лет продолжали свое образование в риторических школах. Там они постигали ораторское искусство, юриспруденцию и основы философии. Без этих знаний было невозможно сделать политическую карьеру.

Если за обучение в начальной школе родители ученика платили весьма небольшую плату, то за обучение в грамматической и риторической школах сумма оплаты вырастала в несколько раз.

В Москве было начало июня, когда я в очередной раз отправился в глубь веков. Оказавшись в древнем Риме, я обнаружил, что здесь уже начало октября.

Мое знакомство с младшим сыном сенатора Меммия состоялось сразу после беседы с бывшим центурионом Титом Децианом.

Квинт в отличие от своего старшего брата Публия оказался мальчиком довольно упитанным, но, несмотря на это, в нем не было склонности к ленивой бездеятельности. Наоборот, некая внутренняя пружина постоянно понуждала Квинта к действию, так что топот быстрых ног этого непоседы был слышен и на мужской, и на женской половине дома.

Квинт уже знал, что отец подыскивает ему провожатого на период школьных занятий, поскольку его прежний воспитатель от старости занемог и был отправлен в сельское имение. Узнав при встрече со мной, что отныне в школу и из школы его будет сопровождать бывший гладиатор, Квинт пришел в неописуемый восторг. Квинт тут же признался мне, что он сам мечтает стать гладиатором, когда вырастет. Квинт не скрывал своей досады от того, что в цирке на представления гладиаторских боев не допускают детей моложе семнадцати лет.

Квинт привел меня в свою комнату и стал показывать свои игрушки, среди которых самыми его любимыми были отлитые из меди и олова фигурки гладиаторов и римских легионеров размером с детскую ладонь. Я невольно залюбовался медными и оловянными воинами и гладиаторами, отлитыми столь искусно, что на их крошечных лицах были отражены многие оттенки чувств. Фигурки были раскрашены яркими красками, которые только дополняли их совершенство, подчеркивая мускулатуру оловянных гладиаторов, кровь на их ранах, металлический блеск оружия и доспехов у медных легионеров.

Увидев, что у Квинта имеется игрушечный деревянный макет амфитеатра, я предложил ему разыграть несколько поединков гладиаторов. Я объяснил Квинту правила игры, по которым оловянные секуторы и ретиарии должны были сражаться в парах, и эти поединки нам с Квинтом предстояло разыгрывать поочередно, бросив перед этим жребий. У розовощекого мальчишки загорелись глаза от радостного предвкушения выйти победителем в этой игре. Но

тут пришел старший брат Квинта и велел ему немедленно отправляться на ужин в триклиний. Затем Публий сказал мне, что трапезная для отцовских сателлитов и клиентов находится рядом с поварней, куда он готов меня проводить, поскольку мне тоже пора ужинать.

Мне понравилось дружелюбие, с каким Публий относился ко мне, нисколько не задаваясь передо мной своим знатным происхождением.

На другой день меня разбудили очень рано, когда розоватый рассвет только-только окрасил небо над Вечным городом. По заспанному лицу Квинта было видно, что и его довольно бесцеремонно подняли с постели, заставили умыться и собрали в школу. К моему удивлению, Квинту даже не позволили позавтракать, отец и слуги с ворчанием поторапливали мальчишку, совершенно не помогая ему одеваться и затягивать ремешки сандалий на ногах. У римлян было принято с ранних лет приучать своих детей к самостоятельности, к умению быстро собраться в дорогу, жертвовать едой ради того, чтобы не опоздать куда-то по делам. «Позавтракаешь в школе в перерыве между уроками, – молвил Квинту его суровый отец, запихивая ему в сумку сверток с чем-то вкусеньким. – Запомни, сынок, с пустым желудком худо-бедно прожить можно, но с пустой головой – никогда!»

В столь ранний час на улицах Рима было еще пустынно. Прохожих было мало, среди них в основном были ремесленники и поденщики, спешившие на работу в мастерские или в речной порт, также попадались закутанные в плащи, зевающие на ходу ученики, которых тащили за руку в школу рабы-педагоги.

Грамматическая школа, куда с этого года был определен на учебу тринадцатилетний Квинт, находилась на Палатинском холме, путь туда был не близок. Сначала мы с Квинтом прошли по Сабинской улице до переулка, который вывел нас на Священную улицу, застроенную высокими роскошными домами и великолепными храмами. Пройдя по Священной улице, по гладким плитам из песчаника и базальта, которыми она была вымощена, я и Квинт свернули на узенькую улочку Юноны, названную так из-за храма этой богини, выстроенного на ней. Потом мы с Квинтом оказались на Этрусской улице, более похожей на извилистое мрачное ущелье, так как здесь по обе стороны возвышались пяти-, шестизэтажные каменные дома-инсулы, плотно примыкавшие друг к другу. Этруская улица вывела нас к довольно крутому склону Палатина. Подняться вверх здесь можно было по каменной лестнице Колец, названной так по находившимся неподалеку мастерским ювелиров, изготавливавших золотые кольца и браслеты.

Оказавшись на Палатине, мы с Квинтом сначала шагали по тропе вдоль крепостной стены, которая окружала Палатинский квартал с запада и северо-востока, затем по Царской улице мы дошли до первого поворота, который вывел нас к коротенькой Тамфилиевой улочке, заканчивавшейся тупиком. Там-то в совершенно неказистом старом доме с покосившейся крышей и находилась частная грамматическая школа, владельцем и основателем которой был грамматик Трихон.

Внешность Трихона, который стоял у дверей школы под черепичным навесом, произвела на меня отталкивающее впечатление. Это был невысокий тщедушный человечек, пучеглазый, с горбатым носом и большой залысиной на голове. Белая чистая тога смотрелась на нем мешковато, верхний край ее то и дело сползал с тощих плеч грамматика. В руках у Трихона была тонкая длинная трость. Он улыбался, здороваясь с учениками, подходившими к школьным дверям один за другим, но при этом взгляд у грамматика был холодный, как у змеи.

– Возвращайся домой, Авл, – с этими словами Квинт взял из моих рук свою школьную сумку. – Придешь за мной в полдень. В это время всех учеников отпускают домой перекусить, на это нам отводится час времени. Если ты опоздаешь, то я выйду из школы один, и тогда мы встретимся с тобой на лестнице Колец.

– Договорились! – Я похлопал Квинта по плечу.

Перед школой был расположен широкий двор, обнесенный невысокой каменной оградой. На этом дворе одиноко росла кудрявая смоковница. Под этим деревом я расстался с Квинтом, проводив его взглядом до дверей школы.

Вернувшись в дом сенатора Меммия, я первым делом позавтракал полбяной кашей и козьим сыром, запивая все это свежавыжатым яблочным соком. Настроение у меня было приподнятое после прогулки по улицам Рима. Я отметил для себя, что со времен восстания Спартака в огромной столице римлян мало что изменилось.

После завтрака я около двух часов занимался с Публием фехтованием на деревянных мечах. Наше занятие происходило во внутреннем дворике. Для начала я показал Публию основные атакующие и защитные приемы мечом, применяемые гладиаторами в пеших поединках один на один. Также я показал Публию, как нужно перемещаться, чтобы все время держать противника под контролем, как надо действовать мечом при смене позиций и угла атаки. Публий старательно выполнял все мои наставления, глядя на мои уверенные движения, которые я совершал с мечом в руке, действуя в чуть замедленном темпе.

Посмотреть на наш учебный поединок пришли отец и мать Публия, а чуть позднее к ним присоединилась Камилла, сестра Публия. Свободные от работ рабы и служанки собрались у перил крытой террасы, идущей по периметру двора на уровне второго этажа. Им тоже было интересно посмотреть на то, как владеет мечом новый молодой сателлит сенатора Меммия. Среди расположившихся на террасе служанок я заметил и румяную зеленоглазую любимицу госпожи Альбии. Я уже знал, что эту улыбчивую большеглазую рабыню зовут Агамедой. Встретившись со мной взглядом, Агамеда быстро подмигнула мне, не пряча озорной улыбки.

Вечером этого же дня я столкнулся с Агамедой лицом к лицу в купальне. Я только-только привел Квинта из школы и собирался ополоснуться, так как после вечерней трапезы мне предстояло сопровождать Публия, который собрался в гости к своему приятелю, на днях приехавшему из Афин. Публий предупредил меня, что семья этого юноши из среды самых знатных нобилей, где придают большое значение внешнему виду человека. «Эти люди смотрят косо на тех, у кого грязные ногти или уши, – сказал мне Публий. – Тем более недопустимо, Авл, чтобы от тебя пахло потом. Непременно помойся под душем перед тем, как отправиться со мной в гости».

Я уже начал раздеваться, когда в душевую неожиданно заскочила Агамеда. Внутренней защелки на двери купальни не было, так как это была мужская душевая, все в доме это знали. Женская купальня находилась по другую сторону перистилия. Перепутать две эти купальни было невозможно, поэтому я сразу смекнул, что пронырливая Агамеда просто воспользовалась случаем, чтобы оказаться со мной наедине.

– Привет, красавчик! – улыбнулась Агамеда, легонько ущипнув меня за руку. – Хочешь, я помою тебе спинку? Это правда, что ты бывший гладиатор?

– Правда, – ответил я и обнял Агамеду за плечи. – Может вместе примем душ, милашка?

– Как-нибудь в другой раз, – продолжая улыбаться, промолвила Агамеда, даже не пытаясь освободиться от моей руки.

По игривым зовущим глазам Агамеды я мигом догадался, каким желанием объята эта зеленоглазая очаровательная бестия. Крепко прижав Агамеду к себе, я с жадным удовольствием соединил свои губы с ее мягкими розовыми устами. После долгих лобзаний мне захотелось большего. Я стал задираТЬ платье на Агамеде. Но служанка выскользнула из моих рук, шепотом сообщив мне, где находится ее комната.

– Приходи ко мне сегодня ночью, – отступая к двери, сказала Агамеда, глядя мне в глаза. – Дверь будет не заперта. Придешь?

– Непременно приду, милашка, – сказал я.

* * *

Приятеля Публия звали Луцием. Его отцом был весьма уважаемый в Риме патриций Сервий Сициний Сцевола. Патрицианское семейство Сцевола старалось во всем придерживаться старинных римских законов и обычаев, хотя жить по старине ныне считалось в Риме не модным. Сенатор Сцевола, а под его влиянием и его сын Луций были ярыми сторонниками аристократической республики. Обоим не нравилось, что лидеры популяров, такие как Цезарь и Эмилий Лепид, всячески принижают римскую знать в угоду народу и богатым плебеям, которые ныне наравне с патрициями заседают в сенате, в судах и различных городских коллегиях. Типичным представителем богатой плебейской верхушки является Гней Помпей, обладающий неограниченным влиянием на сенат и народную массу. Поддерживая честолюбивые устремления Цезаря, воюющего в Галлии, Помпей тем самым подрывает авторитет знатных римских родов и, сам того не ведая, расчищает Цезарю путь к неограниченной единоличной власти.

Находясь в соседней комнате, я невольно услышал разговор собравшихся в таблинуме юношей, среди которых были Публий и сын хозяина дома – Луций Сцевола. Если Публий больше помалкивал, то все прочие юноши, и прежде всего Луций Сцевола, так и сыпали гневными речами, обличая недалекого самодовольного Помпея, хитрого Эмилия Лепида и расчетливо-коварного Цезаря.

«Друзья, если сейчас не остановить Цезаря, то он, обладая войсками и богатствами, пойдет по головам наших отцов к единодержавной власти! – с негодованием в голосе молвил Луций Сцевола. – Цезаря нужно убить, пока он в Галлии, иначе Рим ожидает кровавая гражданская распря и диктатура похлеще зверств Суллы!»

Мне сразу стало понятно, что молодой Луций Сцевола собрал своих друзей у себя дома с единственной целью составить заговор против Цезаря. Ему хотелось знать, кто из его близких товарищей по детским играм и грамматической школе готов пойти вместе с ним на это опасное дело. Замысел Луция Сцевола был прост. Поскольку немало юношей из знатных семей Рима уезжали в Галлию, чтобы под знаменами Цезаря добыть себе высокий воинский чин и золото галлов, вот и Луций Сцевола собирался в ближайшее время отправиться на север за Альпы. Знатное происхождение позволяло Луцию Сцеволе рассчитывать на то, что его определят куда-нибудь в ближайшее окружение Цезаря. Пользуясь этим, Луций Сцевола надеялся выждать момент, чтобы напасть на Цезаря и заколоть его кинжалом.

При этом Луций Сцевола не скрывал того, что таким своим поступком он желает превзойти славой своего далекого предка Муция Сцеволу, который во время осады этрусками Рима проник во вражеский стан и пытался зарезать этрусского царя Порсенну. Схваченный телохранителями Порсенны Муций Сцевола выказал такую железную выдержку и презрение к боли, что даже враги прониклись к нему невольным уважением. Видя, что пленник не желает с ним разговаривать, царь Порсенна пригрозил римлянину пытками. Тогда Муций Сцевола приблизился к жаровне с раскаленными углями и положил свою правую руку прямо на пышущие жаром уголья. Он не произнес ни звука и даже не изменился в лице, в то время как его рука чернела и сгорала на глазах у Порсенны и его приближенных. Пораженный Порсенна даровал Муцию свободу и прекратил осаду Рима, рассудив, что среди римлян наверняка имеется немало таких, как Муций. То, что не удалось Муцию, вполне сможет осуществить другой римлянин, поскольку самопожертвование ради отечества является в порядке вещей для этого мужественного народа. Таким образом, Порсенна заключил мир с Римом, этрусское войско удалилось в свои пределы, а благодарные сограждане дали отважному Муцию прозвище Сцевола, что значит Левша.

Потомки Муция Сцевола и поныне живут в Риме, гордясь своей знатностью и громкой славой своего родоначальника.

Возвращаясь домой по ночному Риму, Публий то ли после выпитого вина, то ли от волнения вдруг стал делиться со мной своими мыслями и переживаниями. Публию в целом импонировали устремления Луция Сцеволы, который не желал, чтобы нобили уступили власть популярам и чтобы выскочки вроде Цезаря шли прямой дорогой к личной диктатуре, подкупая всех и вся. Однако безоговорочно принять сторону Луция Сцеволы Публий не мог по ряду причин, первой из которых было то, что Луций Сцевола был настроен и против Помпея, родная сестра которого является матерью Публия. К тому же Публий завидовал Цезарю, который разбогател и сделал оглушительную карьеру, постоянно враждуя с сенатом и опираясь на поддержку народа. Публий сам хотел пойти по стопам Цезаря, но для начала ему хотелось разбогатеть на грабеже галльских земель. Отец подталкивал Публия ко вступлению в войско Помпея, расквартированное вблизи Рима, но Публий признался мне, что он желает служить в войске Цезаря, где платят высокое жалованье и есть возможность быстро дослужиться до высокого чина.

«Цезарь, конечно, выскочка и авантюрист, но что делать, если пришло время таких людей, – молвил Публий, ища у меня поддержки. – И Сулла обладал таким же складом характера, и отец нынешнего претора Эмилия Лепида, и Катилина, организовавший заговор против сената больше десяти лет тому назад. Многие римские законы устарели, вот почему Сулла, став диктатором, внес свои изменения в римское законодательство. Ныне сулланские законы отменены сенатом, и народ недоволен этим. Цезарь это тонко чувствует и обещает плебсу еще большие льготы, если народ и дальше будет поддерживать его в борьбе с сенатом. Мир меняется на глазах, и вместе с ним меняется и римское общество. Такие люди, как Цезарь, понимают это и этим пользуются для личной выгоды. А патриции вроде Катона, Цицерона и Сервия Сициния Сцеволы не желают видеть этих перемен и упрямо борются с любыми новыми веяниями. А это неизбежно ведет к гражданской войне...»

Здравомыслие юного Публия восхитило меня. Несмотря на свои молодые лета, Публий прекрасно разбирался в политической ситуации, царящей в Риме, знал сильные и слабые стороны сенатской партии и партии сторонников Цезаря. Публий не желал смерти Цезарю, так как хотел использовать его могущество для собственной выгоды. Законы Рима и республиканское правление уже не казались Публию чем-то незыблемым и непогрешимым. В этом Публий был готов поспорить и с Луцием Сцеволой, и со своим отцом, но ему не хватало смелости для такого шага. К тому же Публий понимал всю бессмысленность этого спора, а потому не хотел портить отношения с отцом и настраивать против себя своего давнего друга.

Я спросил у Публия, какова вероятность, что Луций Сцевола все же отправится к Цезарю с намерением убить его.

«Вероятность крайне мала, – ответил мне Публий, – на столь дальнюю поездку нужны средства, а их у Луция нет. Отец Луция кругом в долгах, а его ближайшие родственники тоже не богаты. Есть еще одна загвоздка. Луций помолвлен с моей сестрой Камиллой, у них вот-вот должна состояться свадьба, тут уж не до поездки в Галлию!»

Внимая Публию, я решил про себя, что мне нужно как-то сблизиться с Луцием Сцеволой, поскольку этот юноша имеет решительный нрав и способен на безрассудные поступки. Поскольку моим главным заданием в этой заброске в древний Рим было физическое устранение Цезаря еще до битвы при Фарсале, я мог бы использовать в этом деле Луция Сцеволу. Во всяком случае, в связке с ним мне было бы легче подобраться к Цезарю.

«Если у смельчака Луция вдруг появятся деньги, то он без колебаний устремится в Галлию даже от своей юной жены, – подумал я. – Мне надо только постараться, чтобы нужная сумма вдруг оказалась в руках у Луция. Мне надо втереться в доверие к Луцию! Но как это сделать?»

Глава четвертая Помпей Великий

В октябрьские иды (15 октября) в гости к сенатору Меммию пожаловал его могущественный шурин Гней Помпей, который еще в молодости получил от Суллы прозвище Великий. Сулла давно умер, но римляне по-прежнему называли Помпея Великим, помня его победы в Испании над Серториєм, в Азии над Митридатом, в Иудее над тамошним царем Аристобулом, в Африке над нумидийским царем Иарбой, а также над киликийскими пиратами. В свои пятьдесят шесть лет Помпей четырежды был консулом, трижды был удостоен триумфа. Свое величие и щедрость Помпей подкрепил еще и тем, что выстроил на свои деньги первый в Риме каменный театр. До этого все римские театры были деревянные и имели неказистый вид. Театр Помпея был велик и роскошен, к нему примыкала крытая базилика, украшенная колоннами и мраморными статуями. В базилике были устроены сиденья для сенаторов, дабы «отцы отечества» могли собираться там для заседаний в перерывах между театральными постановками.

Помпей пришел в гости не один, а со своей третьей по счету юной женой Корнелией, отцом которой был ярый противник Цезаря сенатор Метелл Сципион. Первым браком Корнелия была замужем за Публием Крассом, погибшим в войне с парфянами. Этот брак Помпея не встретил одобрения среди римской знати из-за большой разницы в возрасте жениха и невесты: ведь по годам Корнелия скорее годилась в жены старшему сыну Помпея от первого брака. Более проникательные из патрициев понимали, что в данном случае Помпеем движут не столько чувства к Корнелии, сколько желание отмежеваться от Цезаря и примкнуть к его недругам в сенате.

Меня едва не затрясло от волнения, когда сенатор Меммий велел мне прийти в комнату для гостей, поскольку Помпей Великий пожелал взглянуть на мое умение владеть мечом.

Поскольку за окнами уже смеркалось, гостиная была озарена ярким светом множества масляных светильников, которые стояли по углам на бронзовых подставках, были подвешены тонкими цепочками к потолку, установлены на полках, прибитых к стенам.

Помпей и сенатор Меммий полулежали на лежанках возле длинного узкого стола, на котором стояли блюда с фруктами и разными сладостями, там же возвышались изящные серебряные сосуды с вином. Позади двух знатных римлян в почтительной позе стоял раб-виночерпий, готовый к тому, чтобы подлить виноградного вина в их золотые чеканные чаши.

Сыновья Меммия сидели за другим столом справа от своего отца и его именитого гостя. Супруга Меммия, его дочь Камилла и юная жена Помпея расположились напротив Квинта и Публия, их стол стоял слева от центрального стола.

Появившись перед пирующими, я поприветствовал Помпея и его жену, так как со всеми остальными мне уже довелось поздороваться еще утром. Как оказалось, разговор между Помпеем и сенатором Меммием как раз шел обо мне. Помпей лично разбирал иск сенатора Цезения Пета, который на днях требовал через суд денежного возмещения от Гая Меммия, узнав, что тот взял к себе на службу человека, искалечившего троих слуг сенатора Пета, один из которых скончался от ран.

– Мне удалось замять это дело, – промолвил Помпей, пристально разглядывая меня с головы до ног. – Я сделал это исключительно из расположения к тебе, дружище Гай. Ты сказал, что этот юноша очень ловкий боец, пусть он покажет, на что способен. Может, я отдам к нему в обучение своего младшего сына Секста.

Я глядел на знаменитого Помпея – на этого величайшего из римлян! – и поражался полнейшему несходству с ним того актера, который изображал его в американском телевизионном сериале «Рим», виденным мною перед телепортацией сюда. Настоящий Гней Помпей был статен и широкоплеч, у него не было большого живота и обрюзглости на лице. Светло-русая густая

шевелюра Помпея была подстрижена по-военному коротко. На широком загорелом лице Помпея выделялся крупный прямой нос, над его глубоко посаженными светло-голубыми глазами нависали тяжелые надбровные дуги и высокий лоб, пересеченный волнистыми продольными морщинами. Еще две глубокие морщины залегли наискось в нижней части лица Помпея, спускаясь от широких ноздрей к уголкам волевого рта. Помпей был гладко выбрит, поэтому смотрелся довольно моложаво. На нем была белая сенаторская тога с широкой пурпурной каймой, под которой виднелась туника темно-бирюзового цвета. На крепкой шее Помпея поблескивало массивное золотое ожерелье.

Переведя свой взгляд на Корнелию, жену Помпея, я тут же вспомнил строки из сочинения Плутарха, посвященные этой благородной римлянке. Плутарх был совершенно прав, подумалось мне, оставив о Корнелии столь возвышенный отзыв. Если верить Плутарху, Корнелия получила прекрасное образование, знала музыку, геометрию, философию. Эти ее качества соединялись с характером, лишенным жеманства и несносного тщеславия. Но прежде всего всем бросались в глаза цветущая юность и красота дочери Метелла Сципиона. Корнелия и впрямь была так хороша собой, что от нее было трудно оторвать взгляд. Даже внешняя прелесть Альбии и Камиллы меркла на фоне дивной красоты Корнелии.

Тит Дециан, также находившийся в гостевом зале, подошел ко мне с мечами в руках. Это были обычные клинки, находившиеся на вооружении у римских легионеров. Тит Дециан протянул мне один из клинков.

– Авл, у тебя есть прекрасная возможность блеснуть своим мастерством перед самым Помпеем Великим! – обратился ко мне сенатор Меммий. – Ты – бывший гладиатор, а Тит – бывший центурион. Пусть поединок между вами выявит сильнейшего. Однако, предупреждаю, поединок должен быть бескровным.

Я уже достаточно хорошо знал римлян, поэтому несколько не удивился желанию Помпея и сенатора Меммия в разгар застолья полюбоваться схваткой на мечах. Подобные зрелища были любимой забавой римских граждан.

В центре гостиной было достаточно места для поединка не только для двух, но и для целой группы бойцов. Единственным неудобством было то, что ноги скользили на гладком мраморном полу. Но и из этого я постарался извлечь для себя максимальную выгоду. В свое время Спартак дал мне несколько полезных советов, как нужно двигаться во время схватки, чтобы измотать соперника и гасить в зародыше все его атаки. Теперь мне оченьгодились наставления Спартака.

Тит Дециан, как истинный воин, привык всегда сражаться прикрываясь щитом. Без щита он чувствовал себя несколько неуверенно. Я сразу воспользовался этой неуверенностью бывшего центуриона, который ретиво нападал на меня, но мои ответные выпады отражал с трудом. Той выучки во владении клинком, какую я получил в гладиаторской школе, у Тита Дециана, конечно, не было. Мой соперник физически был явно крепче меня, да и ростом он был повыше, но в ловкости и быстроте передвижений Тит Дециан сильно мне уступал. Мы кружили по залу, с лязгом обмениваясь ударами, то наседая, то отскакивая. Мои финты и уворачивания приводили к тому, что Тит Дециан несколько раз едва не грохнулся на пол, нанося удары впустую. При смене позиции я всякий раз проскакивал под его занесенным для удара мечом, оказываясь за спиной у бывшего центуриона. Если бы эта схватка велась насмерть, то Тит Дециан за какие-то десять минут поединка мог быть убит мною четырежды.

Помпей дал знак к прекращению схватки, подводя итог:

– Гладиатор, без сомнения, ловчее и опытнее центуриона, тут ничего не поделаешь. Победа остается за ним.

Помпею захотелось побеседовать со мной. Слуги принесли стул для меня и поставили его возле центрального стола. Мне налили вина в дорогой кубок. Юркая Агамеда оказалась тут как тут, положив на мою тарелку большой кусок от медового пирога.

Сначала Помпей расспрашивал меня про мою семью, про мое житье-бытье в Бовиане и Фрегеллах. Особое любопытство Помпей проявил к моему гладиаторскому прошлому, выпрашивая у меня, в каких цирках мне довелось сражаться, скольких ланист я сменил, сколько раз был ранен и через сколько поединков прошел. Свою легенду я знал назубок, поэтому отвечал на вопросы Помпея без заминки.

– Что ж, – сказал Помпей, обращаясь к сенатору Меммию, – этот самнит мне по душе. Пусть он обучит моего сына Секста ловко обращаться с мечом. Я щедро заплачу ему за эти уроки. И вот что еще, дружище Гай, – Помпей чуть понизил голос, наклонившись к плечу сенатора Меммия, – возьми-ка Авла на завтрашнее заседание сената. Сторонники Цезаря наверняка соберут толпу народа на форуме, как это уже бывало в прошлом. Могут возникнуть беспорядки, так что телохранители нам пригодятся.

– Конечно, я возьму Авла с собой, дружище Гней, – покивал головой сенатор Меммий. – И не только его одного. Ты прав, от черни можно ожидать чего угодно!

Альбия, которая была в курсе всех политических дел, спросила у брата, чему будет посвящено завтрашнее заседание сената. Помпей сказал сестре, что народный трибун Марк Антоний должен завтра огласить сенаторам письмо от Цезаря, привезенное на днях гонцом из Галлии.

Управляясь с куском медового пирога, я сразу же наострил уши.

– Письмо от Цезаря – это всего лишь повод для собрания сенаторов, – вставил Гай Меммий, переглянувшись с Помпеем. – Цель же завтрашнего заседания сената – отстранение Цезаря от должности проконсула. Катон и Цицерон давно настаивают на этом. Пора бы уже провести голосование в сенате по этому вопросу.

– Да, пора, – согласился Помпей, – покуда Цезарь не подкупил большую часть сената. Большая часть народа уже на стороне Цезаря.

– Народные трибуны не допустят процедуры голосования, ведь все они сторонники Цезаря, – заметила Альбия. – Законным путем лишить Цезаря проконсульской власти сенату вряд ли удастся.

– Сестра, неужели ты намекаешь, что в противостоянии с Цезарем сенату следует действовать незаконными методами. – Помпей взял чашу с вином, но так и не донес ее до рта, взглянув на Альбию. – Тебя не пугает тень гражданской смуты?

– Не пугает, – ответила прямодушная Альбия, глядя в глаза брату. – Сегодня Цезарь еще слаб, поэтому он считается с сенатом, но стоит Цезарю войти в силу, и он растопчет все римские законы!

Я невольно усмехнулся про себя, жуя сладкий пирог. Кто бы мог подумать, что у Помпея такая решительная и проницательная сестра! А ведь Альбия зрит прямо в корень: в своем стремлении к единоличной власти Цезарь пойдет до конца!

Глава пятая

Марк Антоний

В свое время римляне очень гордились своими законами и демократическими принципами управления государством. За долгие годы борьбы между патрициями и плебеями в Римской республике все-таки был найден компромиссный вариант мирного сосуществования знати и народа. Этот гражданский мир продлился до той поры, когда Рим, победивший Карфаген, вступил в длительную полосу войн за пределами Италии. Все завоеванные земли на Западе и Востоке римляне превращали в свои провинции, откуда они беззастенчиво выкачивали налоги, продукты сельского хозяйства и богатства земных недр.

Эти затяжные войны, с одной стороны, обогащали Римское государство, а с другой стороны, неизбежно приводили к разорению мелких земельных собственников в Италии. Богатые патриции и всадники скупали земельные наделы у сельской бедноты, превращая свои виллы в огромные латифундии, используя при этом труд многих тысяч рабов. Из завоеванных земель в Италию осуществлялся постоянный приток невольников, которые повсеместно вытесняли с рынка труда вольнонаемных работников. Разорившиеся мелкие земледельцы шли на заработки в Рим и другие крупные города, но и там почти на всех работах были заняты рабы. В результате в Риме и в соседних городах скопилось множество самого разнообразного люда, обладавшего гражданскими правами и свободой, но лишенного работы и средств к существованию.

Такое положение вещей грозило Римскому государству социальными потрясениями. Братья Гракхи пытались путем реформ предотвратить социальный взрыв. Они внесли на рассмотрение сената законопроекты, способные остановить развитие рабства и возродить мелкое итальянское крестьянство – главный оплот римского военного могущества. Однако смелые попытки братьев Гракхов ввести запрет на продажу наследственных участков земли и на бесконтрольное увеличение земельных владений знати завершились кровавыми столкновениями на римском форуме. Сначала был убит старший из братьев Гракхов – Тиберий, а несколько лет спустя нобили убили и младшего из Гракхов – Гая.

По римским законам, воля народа является приоритетной во всех делах. Однако на деле принцип верховенства народа почти никогда не проявляется в римской государственной жизни. Римский нобилитет всякий раз развязывал кровавую бойню, уничтожая вожаков народа, если дело касалось земель и богатств знати.

Безземельные римляне стали реальной силой только после военной реформы Гая Мария. Суть этой реформы заключалась в том, что с определенного времени изменился порядок зачисления в войско римских граждан. Если раньше в войско принимали лишь тех граждан, кто имел возможность приобрести тяжелое оружие, то после реформы Гая Мария к военной присяге стали допускать всех граждан, невзирая на их материальный достаток. Отныне о вооружении и снаряжении легионеров стало заботиться государство. Это привело к тому, что для очень многих безземельных римлян служба в войске стала доходным делом. Воины были готовы за деньги пойти за своим полководцем куда угодно. Первым этим воспользовался в своих корыстных целях Сулла, когда враждовал с Гаем Марием и римским сенатом. Легионы Суллы во время гражданской смуты ворвались в Рим, вырезав сторонников Гая Мария и обеспечив Сулле установление его личной диктатуры. После смерти Суллы, скончавшегося от тяжелой неизлечимой болезни, еще не единожды повторялась ситуация, когда тот или иной римский полководец вопреки закону пытался диктовать свои условия сенату, опираясь на войско.

Катилина и вовсе хотел путем заговора уничтожить половину сената, настроенную против него, и захватить верховную власть в Риме, опираясь на своих сторонников, напроочь лишенных милосердия и чести.

К тому времени, когда Цезарь и Помпей, опираясь на своих сторонников в сенате, а в большей мере на преданные им легионы, обрели практически неограниченное могущество, демократия в Риме выродилась в господство различных нобильских клик, которые использовали убийства и подкуп на любых выборах. Знать и народ понимали, что любой избранный римский магистрат в своей деятельности должен ориентироваться либо на Цезаря, либо на Помпея. Эти двое обладали огромными богатствами и вооруженной силой, а это ставило их над всеми римскими законами и позволяло им действовать, не считаясь с сенатом. Впрочем, и Цезарь, и Помпей всячески выказывали свою лояльность к сенату, не желая идти по стопам Суллы и Катилины. И Цезарь, и Помпей желали для себя высшей власти в Римской республике, но взять эту власть и тот и другой хотел, не проливая кровь сограждан.

Оказавшись на римском форуме в этот довольно жаркий осенний день, я сразу почувствовал гнетущую атмосферу, разлитую в воздухе. Толпы воинственно настроенного простонародья шли по Священной улице, вливаясь на главную площадь Вечного города по широкому проходу между храмом Кастора и Эмилиевой базиликой, в крытом портике которой расположились менялы и торговцы драгоценностями. Знатные граждане и сопровождавшие их слуги теснились на ступенях курии Гостилия, возле храма Сатурна и близ портика храма Конкордии.

Глашатаи с возвышения у ростральных колонн извещали народ о результатах гаданий авгуров и гаруспиков. Перед всяким заседанием сената и высших магистратов республики полагалось узнать волю богов через определенные знамения, увидеть и понять которые, по мнению древних римлян, были способны только жрецы. Нынешние гадания и жертвоприношения не предвещают ничего плохого, зычно возвещали глашатаи.

– Боюсь, жрецы ошибаются в своих предсказаниях, – заметил сенатор Меммий своему приятелю сенатору Эмилию Скавру, которого он встретил близ храма Весты и вместе с ним пришел на форум. – Судя по наглым ромам простолюдинов, многие из них притащились сюда с явным намерением затеять драку. Уверен, это отребье жаждет беспорядков и крови патрициев!

Эмилий Скавр согласился с сенатором Меммием.

– Надеюсь, наши телохранители оградят нас от буйства толпы в случае чего, – сказал он, оглянувшись на двух своих слуг и на людей Меммия. – Мои молодцы вооружены кинжалами, а твои?

– Мои тоже пришли на форум не с голыми руками, – усмехнулся краем рта Меммий. – У каждого спрятан меч под плащом. Я и сам держу нож при себе.

– Но в сенат нельзя входить с оружием, – заметил Эмилий Скавр, – это противозаконно, дружище Гай.

– Э, приятель, кто в наше время поступает по закону! – Меммий махнул рукой. – К тому же ныне принимают так много новых законов, которые противоречат старым, что сама Фемида сейчас может запутаться в том, кто прав, а кто виноват. Во всяком случае, при входе в сенат нас с тобой обыскивать не будут.

Кроме меня и Тита Дециана сенатор Меммий взял с собой еще троих слуг из числа вольноотпущенников.

Слушая, о чем беседуют на ходу Гай Меммий и Эмилий Скавр, я невольно поражаюсь тому, что глухая вражда между Цезарем и Помпеем обрекла граждан Рима на противостояние друг с другом. Было поразительно и то, что находящийся в Риме Помпей не столь популярен в народе по сравнению с Цезарем, который вот уже восемь лет не появляется в столице, ведя войну в Галлии. Доверенные люди Цезаря раздают направо и налево галльское золото, привлекая на сторону последнего не только плебс, но и знатных римлян, обремененных долгами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.